

ИЗЪ ХОДЖЕНТА.

I.

Разсказы о новомъ, совершенно неизвѣстномъ намъ, повесьма обширномъ, богатомъ и оригинальномъ краѣ, называемомъ Туркестанской областью, естественно возбуждаютъ живой интересъ въ русскихъ читателей, и потому я считаю не лишнимъ сообщить имъ нѣкоторыя подробности объ этой далекой, полудикой странѣ. Ходжентъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше Ташкента, хотя послѣдній, по разнымъ соображеніямъ, и избранъ здѣшнимъ политическимъ и административнымъ центромъ и составляетъ столицу туркестанскаго генераль-губернаторства. Во 1-хъ, Ходжентъ расположенъ по берегу отличной, многоводной Сыръ-Дарьи и со всѣхъ сторонъ окруженъ горами, по скатамъ которыхъ зеленѣютъ роскошные сады; а все это вмѣстѣ—вода, горы и растительность, лѣтомъ, при здѣшнихъ жарахъ и засухахъ, сообщаетъ воздуху благодатную свѣжесть и чистоту; зимой же—большую умеренность температуры и меньшее количество дождей. Во 2-хъ, Ходжентъ весь окруженъ великолѣпнѣйшими садами, которыхъ здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ области. Все это сады фруктовые; плоды растутъ здѣсь въ удивительномъ изобиліи и ими снабжаются всѣ окрестные города, въ томъ числѣ и Ташкентъ, куда еженедѣльно отправляются небольшіе караваны съ яблоками, сливами, грушами, персиками, абрикосами, черешнями, грѣцкими орѣхами, миндалемъ и гранатами. Кромѣ того, здѣсь, какъ говорится, ровно ни по чемъ, арбузы, дыни и виноградъ. Лѣтомъ цѣлый пудъ винограда стоитъ 30 копеекъ! Русскіе выдѣлываютъ изъ

него водку, и весьма порядочное красное и бѣлое вино, замѣняющее лекій напитокъ, вродѣ кваса. Надъ утопающимъ въ зелени и пестрѣющимъ разноцвѣтными фруктами и цвѣтами городомъ возвышаются со всѣхъ сторонъ горы. Лѣсовъ здѣсь почти нѣтъ вовсе и потому дрова весьма дороги: семь и даже доходятъ до десяти рублей за сажень *); но это, по умеренности температуры, потребность въ нихъ не велика. Вся эта растительность разпускается въ Ходжентѣ уже въ первой половинѣ марта, тогда какъ въ Ташкентѣ въ это время нѣтъ еще никакихъ признаковъ зелени.

Туземное населеніе Туркестана раздѣляется на кочевое—киргизовъ, или кайсаковъ, какъ они сами себя называютъ, и осѣдыхъ—сартовъ. Вся Семирѣченская область и нѣкоторые уѣзды Сыръ-Дарьинской области населены исключительно одними киргизами. Остальные же уѣзды послѣдней области заняты частію киргизами, частію сартами. Въ городахъ вообще господствуетъ населеніе сартское, а киргизы кочуютъ въ своихъ кибиткахъ по степямъ, безпрестанно перемѣняя пастбища для своихъ обширныхъ стадъ рогатаго скота, барановъ, лошадей и верблюдовъ, составляющихъ ихъ исключительное богатство и почти единственный промыселъ. Только на холодное время этотъ бродячій людъ забивается въ тѣсныя и смрачныя юрты, и какъ только пригрѣетъ солнышко, они перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто. Трудно вообразить себѣ существо лѣнивѣе киргиза! Еще бѣдняка нужда и голодъ часто заставляютъ за что-нибудь приняться; но богатый уже ровно ничего не дѣлаетъ, если только, на горе его лѣни, онъ не

*) На топливо употребляется камышъ и кизикъ.

занимаетъ какую-нибудь общественную должность.

За его стадами смотритъ прислуга, хозяйствомъ занимаются жены и, кромѣ того, послѣднія выдѣлываютъ войлоки, служація имъ для укутыванія на зиму ихъ кибитокъ, и ткнутъ бязи—родъ толстаго холста. Войлоки эти далеко уступаютъ, по своей добротности, приготовляемымъ у насъ въ Россіи. Вообще, на киргизскихъ женщинахъ (какъ во всѣхъ почти первобытныхъ обществахъ) лежитъ наибольшая часть труда. Не смотря однакожъ на это, онѣ сохраняютъ, до нѣкоторой степени, свою женственность и даже кокетливость, обнаруживающуюся особенно въ ихъ страсти къ различнымъ украшеніямъ, для которыхъ употребляютъ мелкую серебряную монету, нанизывая ее въ видѣ серегъ, браслетъ и т. п. Ходятъ онѣ обыкновенно съ непокрытыми лицами, между которыми попадаются довольно красивыя. Женскій киргизскій костюмъ почти ни чѣмъ не отличается отъ мужскаго и за исключеніемъ украшеній, состоитъ изъ такого же простаго бумажнаго халата. Питаются киргизы очень неизысканно: бѣдные ѣдятъ зимою почти одно только просо съ водой, мясо употребляютъ рѣдко, хлѣба же—никогда. Лѣтомъ пьютъ кумысъ и айрамъ—питье, приготовляемое изъ козлинаго молока. Только богатые лакомятся мясомъ и кониной. Равнодушный къ матеріальнымъ своимъ интересамъ, народъ этотъ весьма индифферентно относится и къ своей религіи, и фанатизма, свойственнаго сартамъ, между киргизами незамѣтно вовсе. Это полудикое еще младенческое состояніе киргизовъ поражаетъ свѣжаго человѣка тѣмъ сильнѣе, что они находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими: вся почти

торговля наша со среднею Азіей совершается при посредствѣ ихъ, такъ какъ всѣ товары, идущіе въ Азію и обратно, перевозятся на киргизскихъ верблюдахъ. Обыкновенно какой-нибудь бугатый киргизъ берется составить караванъ для купцовъ, и если своихъ верблюдовъ у него недостаточно, то нанимаетъ еще другихъ киргизовъ съ ихъ вьючными животными и самъ дѣлается проводникомъ каравана, — *караванъ-бани*, или же находитъ для этого какого-нибудь опытного своего земляка, хорошо знакомаго со всѣми дорогами.

Сарты, живущіе осѣдло, занимаются земледѣліемъ и торговлею. Сверхъ того, въ городахъ они составляли до-сихъ-поръ ремесленный классъ, и то въ послѣднее время стали встрѣчать соперниковъ въ русскихъ казенныхъ и, весьма еще немногихъ, частныхъ ремесленникахъ. Впрочемъ, соперничество это пока еще весьма слабо и, за неимѣніемъ хорошихъ русскихъ мастеровъ, поневолѣ приходится довольствоваться грубыми туземными издѣліями. Не смотря, однакожъ, на то, что всѣ отрасли промышленности и торговли находятся въ рукахъ сартовъ, они, по природѣ своей, тоже народъ весьма лѣнивый и при первомъ удобномъ случаѣ каждый сартъ чрезвычайно любитъ устроить себѣ *dolce far niente* на базарной площади: съ трубочкой въ зубахъ, протягивая изъ нее опиумъ, онъ готовъ просидѣть здѣсь почти неподвижно весь Божій день, поротѣйничать и послушать разныя городскія новости; а когда толкотня и базарная суматоха утомятъ его, онъ отправляется въ другое, не менѣе любимое мѣсто своего пребыванія — въ бани, служащія здѣсь не только для омовенія тѣла, но и кофейной и клубомъ. Какъ базаръ, такъ

и бани въ нашемъ краѣ рѣзко отличаются отъ подобныхъ же учрежденій въ Европѣ.

Такъ какъ базаръ служитъ туземцамъ мѣстомъ встрѣчи знакомыхъ и пріятнѣйшимъ мѣстомъ препровожденія времени, то, вслѣдствіе этого, русскихъ, съ перваго взгляда, поражаетъ необыкновенное множество праздныхъ зѣвакъ почти у каждой лавки, ничего непродающихъ и непокупающихъ. Лавки эти всегда маленькія деревянныя или глиняныя, расположенныя обыкновенно (особенно въ Ташкентѣ) на громадномъ пространствѣ и составляющія настоящей лабиринтъ, въ которомъ, до основательнаго знакомства съ нимъ, положительно можно заблудиться; своею безпорядочною разбросанностію по всѣмъ направленіямъ и постройкою на живую нитку сильно напоминаютъ прежнюю петербургскую толкучку, но, по своему объему, шалаши эти еще менѣе бывшихъ нѣкогда на толкучемъ рынкѣ. Дверей они не имѣютъ, но вся передняя сторона ихъ открыта, и только на ночь закладывается, и то кое-какъ, больше для формы, досками. Впрочемъ, случаи воровства, до-сихъ-поръ, по крайней-мѣрѣ, были чрезвычайно рѣдки. Не знаю еще, насколько такая честность сартовъ лежитъ въ ихъ нравахъ и насколько представляетъ результатъ дѣйствовавшихъ здѣсь прежде драконовскихъ законовъ: такъ, малѣйшее воровство, говорятъ, наказывалось по этимъ законамъ отсѣченіемъ пальцевъ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ — и цѣлыхъ рукъ.

Прошлую зимою, впрочемъ, въ Ташкентѣ было нѣсколько значительныхъ случаевъ конскрадства, причемъ, однако же, ворами оказались киргизы. Но возвратимся къ базару: половъ въ лавкахъ нѣтъ; товары развѣшаны по потоло-

ку и всѣмъ стѣнамъ шалаша, или просто навалены груды на глиняномъ полу, на которомъ впереди ихъ возсѣдаетъ и торговецъ, безпечно покуривая свою трубочку и обращая весьма мало вниманія на покупателей. Зазыванья и торгашества, столь обыкновенныхъ еще недавно на русскихъ рынкахъ — не только покупателей, но и прохожихъ, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Хотя самыя лавки и разбросаны въ большомъ безпорядкѣ, но товары распределены въ нихъ довольно въ строгой системѣ и каждый разрядъ ихъ помѣщается въ особыхъ отдѣленіяхъ; такъ, на примѣръ, матеріи, шелковыя, бумажныя и т. п. помѣщаются отдѣльно; ковры и кожаныя издѣлія — въ другомъ мѣстѣ, галантерейныя вещи и фаянсовая посуда — въ третьемъ и т. д. Большая часть этихъ вещей привозится изъ Россіи и, надо сказать правду, всѣ они весьма плохи. Конечно, въ такихъ мизерныхъ лавчонкахъ торговля не можетъ производиться въ широкихъ размѣрахъ; здѣсь идетъ розничная продажа, для личныхъ потребностей покупателей. Купцы, ведущіе оптовую торговлю, имѣютъ свои склады въ такъ-называемыхъ караванъ-сараяхъ; это — большіе, четырехъугольные дворы, застроенные внутри со всѣхъ сторонъ кладовыми для товаровъ, а также и помѣщеніями для прѣзжающихъ купцовъ. Въ городѣ, кромѣ большаго, главнаго базара, находится еще обыкновенно нѣсколько менѣе значительныхъ и, кромѣ того, еще особенный, конный базаръ, отдѣльно отъ прочихъ. Здѣшній край вообще изобилуетъ перевозочными средствами: кромѣ ословъ (лошаковъ) и верблюдовъ, есть нѣсколько различныхъ и прекрасныхъ породъ лошадей.

Гостинницъ и трактировъ въ здѣшнемъ захо-

лустѣ еще нѣтъ; ихъ замѣняютъ бани. За входъ въ баню платится обыкновенно 15 чекъ, равняющихся нашимъ 5 копейкамъ серебромъ. Кстати, познакомлю васъ съ сартскими монетами: золотая *тилля* ходитъ теперь въ 4 нашихъ серебряныхъ рубля, серебряная — *коканъ* или *тянга* = 20 коп. сер., мѣдная — *чека* = $\frac{1}{3}$ коп. сер. Деньги эти чеканятся въ Бухарѣ или Коканѣ и самое производство чеканки держится національнымъ правительствомъ въ величайшемъ секретѣ. Такая таинственность объясняется, во-первыхъ, скрытностью и недоверіемъ — господствующими чертами сартовъ и существующимъ у нихъ обычаемъ особенно скрывать все свои политическія и административныя дѣйствія и распоряженія; во-вторыхъ, весьма распространеннымъ здѣсь обращеніемъ фальшивыхъ кокановъ. Золотыхъ и серебряныхъ рудъ въ нашихъ туркестанскихъ владѣніяхъ еще не найдено, и въ Сыръ-Дарьѣ туземцы добываютъ золотой песокъ, да и то въ весьма незначительномъ количествѣ. Способъ промывки этого золота находится у нихъ, какъ и многое другое, еще въ весьма младенческомъ состояніи; для этого кладутъ нагруженные камнями войлоки въ рѣку, во время сильнаго ея разлива, что бываетъ обыкновенно въ маѣ мѣсяцѣ и оставляютъ ихъ въ водѣ отъ 5 до 6 дней. Потомъ, когда золотой песокъ насядетъ на эти войлоки, ихъ бросаютъ въ огонь и сжигаютъ, и затѣмъ собираютъ остающійся въ небольшомъ количествѣ золотой песокъ; разумѣется, при этомъ значительная его часть теряется, тратится много времени и напрасно уничтожаются представляющіе все-таки извѣстную цѣнность кошмы, т. е. войлоки. При такомъ способѣ однимъ лицомъ до-

бывается золотого песку не болѣе какъ на сто рублей за разъ. Значительныхъ богачей, по нашимъ понятіямъ, между сартами нѣтъ. Владелецъ пяти или шести тилля (20 — 25 тысячъ рублей); имѣющій еще, сверхъ того, нѣсколько домовъ и садовъ, считается уже совершеннымъ крезомъ, на котораго смотрятъ какъ на высшее существо. Право наследованія имущества умершихъ сартовъ весьма сходно съ нашимъ: все наследство, по смерти главы семейства, дѣлится между сыновьями по-ровну, за выдѣленіемъ изъ него восьмой части въ пользу вдовъ покойнаго (которыхъ, при многоженствѣ сартовъ, бываетъ нѣсколько) и еще на долю дочерей — такія части всего имѣнія, чтобъ каждой изъ нихъ приходилось ровно вдвое менѣе противъ доли сыновей.

Въ каждомъ сартскомъ городѣ васъ поражаетъ монотонное однообразіе его внѣшняго вида; на каждомъ шагу вы видите рѣзкій отпечатокъ восточной замкнутости, фанатизма и азіатской лѣни. Между отдѣльными личностями, бродящими по улицамъ, какъ сонныя мухи, въ группахъ базарныхъ зѣвакъ, рѣдко встрѣчаются иноземные костюмы и фигуры; только русскіе мундиры пестрятъ, особенно въ послѣднее время, эту одноцвѣтную, еле-двигающуюся толпу, да изрѣдка, кое-гдѣ, между сартами и киргизами мелькаютъ китайцы. Костюмъ сартовъ общевосточный: неизмѣнный классическій халатъ съ чрезвычайно-длинными рукавами, которые они собираютъ на рукахъ безчисленными сборками. Халатовъ этихъ они надѣваютъ на себя по нѣскольку за разъ; верхній носится обыкновенно на распашку и ничѣмъ не завязывается, а второй сверху всегда обвязанъ широкимъ кушакомъ

или шарфомъ, къ которому часто привязываютъ множество различныхъ бездѣлушекъ, какъ напримеръ, ножницы, довольно толстую палочку изъ мягкаго дерева, сафьяный, болѣе или менѣе затѣйливо вышитый, кисетъ и т. п. вещи, хранящіяся обыкновенно въ кожаныхъ футлярахъ. Халаты шьются болѣею частью изъ бумажныхъ (ситцевыхъ) и полуселковыхъ матерій, часто, впрочемъ, бываютъ и суконныя. Народъ чрезвычайно любитъ пестроту: чѣмъ ярче и разноцвѣтнѣе халатъ, тѣмъ, значитъ, наряднѣе; но зажиточные купцы, улемы и другіе мѣстные аристократы предпочитаютъ менѣе пестрые халаты и, такимъ образомъ, здѣсь также существуютъ свои понятія *о сомме il faut* и *mauvais genre*. На бритой головѣ сарта, съ подстриженными усами и полною бородой, всегда надѣта ермолка и сверху ея — чалма, обыкновенно бѣлая, размѣръ которой зависитъ отъ общественнаго положенія и происхожденія хозяина: чѣмъ знатнѣе сартъ, тѣмъ больше его чалма, такъ что у нѣкоторыхъ величина ея достигаетъ безобразно громадныхъ размѣровъ. Ноги обуваютъ въ мягкіе сапоги, и на улицахъ постоянно носятъ калоши изъ зеленой кожи, которыя снимаются только при входѣ въ комнату и въ мечеть. Костюмъ женщинъ мало отличается отъ мужскаго; онѣ также носятъ халаты, чаще всего сѣро-синяго цвѣта; различіе состоитъ лишь въ томъ, что онѣ надѣваютъ ихъ на голову и, обматывая рукава вокругъ шеи, завязываютъ ихъ назадъ; а лица свои на улицѣ закрываютъ довольно густымъ покрываломъ.

Чтобъ познать васъ съ жилищами и нравами сартовъ, опишу недавнее посѣщеніе нами одного богатаго сартскаго купца, позвавшаго

насть къ себѣ въ гости. Домъ его двухъ-этаж-
ный и, какъ всѣ другіе, выстроенъ изъ глины.
Прочность этихъ глиняныхъ зданій весьма не
велика: лѣтомъ, отъ сильно палящихъ солнеч-
ныхъ лучей, глина эта дотога сохнетъ, что тре-
скается и вывѣтривается; зимою же, во время
постоянныхъ и проливныхъ дождей, она пропи-
тывается водой, размягчается чуть не въ кисель
и пропускаетъ цѣлые потоки, наводняющіе это
убогое помѣщеніе. Случаи разрушенія зданій
бываютъ нерѣдко. Жилище нашего хозяина
представляетъ обширный дворъ, обстроенный
кругомъ нѣсколькими отдѣльными помѣщеніями.
Въ одномъ изъ нихъ живетъ самъ хозяинъ, въ
другомъ помѣщаются жены и прислуга; а третье
составляетъ парадную пріемную для гостей. Эта
гостиная внутри отдѣлана весьма красиво пе-
строю лѣпною работою изъ алебаstra, нѣсколь-
ко напоминающею украшенія старинныхъ мав-
ританскихъ зданій, сохранившихся еще и теперь
въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Испаніи. Стѣны и по-
толки испещрены разнообразными рисунками
въ восточномъ вкусѣ и стихами изъ корана.
Двери и окна комнатъ выходятъ на дворъ, осѣ-
няемый деревьями и освѣжаемый небольшимъ
бассейномъ; на улицу же зданіе обращено голы-
ми стѣнами, и такъ какъ подобная архитектура
здѣсь господствующая, то улицы (и безъ того
кривыя, узкія и грязныя) имѣютъ весьма непри-
влекательный видъ, утомляющій глаза этимъ
мертвымъ однообразіемъ тянувшихся вдоль ихъ
заборовъ. При домѣ—непрерывная принадлеж-
ность—садъ, иногда и небольшой, но тѣнистый и
наполненный, какъ я уже говорилъ, прекрасны-
ми фруктовыми деревьями. Двери и оконныя
ставни сдѣланы изъ цѣльнаго орѣховаго дерева

и весьма искусной рѣзной работы; стеколъ въ
окнахъ обыкновенно нѣтъ вовсе и только на зи-
му окна заклеиваютъ пузырями или масляною
бумагой, и эта смѣсь азіатской роскоши и вы-
чурности съ бѣдностью дикарей производитъ
на европейца странное впечатлѣніе. Мебели въ
комнатахъ нѣтъ никакой; ее вездѣ замѣняютъ
войлоки, ковры и паушелковые толстыя одѣя-
ла, и только по случаю пріѣзда почтенныхъ го-
стей былъ приготовленъ большой столъ, покры-
тый пестрою скатерью и кругомъ его разстав-
лены широкія скамьи съ разостланными на нихъ
коврами.

Около часу пополудни мы подъѣхали верхомъ
къ воротамъ дома; самъ хозяинъ, съ ближайши-
ми своими домочадцами мужескаго пола, встрѣ-
тилъ насъ у воротъ, со всевозможными изъяв-
леніями радушія и почтенія, проводилъ до пріем-
ной комнаты и тотчасъ же скрылся. Во все
время, пока насъ угощали, онъ не показывался
ни разу, знакъ особой любезности и уваженія
къ посѣтителю, такъ какъ предполагается, что
хозяинъ, удалившись, самъ хлопочетъ объ уго-
щеніи гостей. Какъ только мы вошли въ комна-
ту, сыновья и племянники хозяина, все время
намъ прислуживавшіе, начали подавать фрукты и
разныя сласти, а потомъ уже и болѣе солидныя
блюда. Впродолженіе всего нашего обѣда нѣ-
сколько разъ подавался чай, и такъ какъ нашъ
хозяинъ часто бывалъ, по своимъ торговымъ дѣ-
ламъ, въ Россіи, то на столѣ явились бутылка
хересу и даже бутылка шампанскаго, чего, разу-
мѣется, у другихъ сартовъ вы не встрѣтите,
хотя многіе изъ нихъ, особенно въ низшемъ клас-
сѣ, и весьма не прочь выпить, такъ что увидѣть
на улицѣ пьянаго сарта, да еще въ празднич-

ное время—совсѣмъ не рѣдкость. Тянутъ нашу
обыкновенную водку и бузу—весьма не вкусный
одуряющій напитокъ, приготовляемый изъ проса
и ячменя; бузой напиваются подъ часъ и наши
солдаты, имѣющіе удивительную способность ак-
климатизироваться рѣшительно вездѣ и чувство-
вать себя, гдѣ бы то ни было, какъ дома.

Отказываться отъ угощенія—значитъ кровно
обидѣть хозяина. Вообще хлѣбосолюство сильно
развито между сартами и, при свойственной имъ
скупости, объясняется тѣмъ, что гостепріимство
предписано имъ кораномъ. Поэтому, изъ рели-
гіознаго усердія, они всегда не только старают-
ся угостить гостя, какъ можно лучше, но еще
имѣютъ обыкновеніе никогда не возвращать въ
хозяйство разъ уже поданное, но все оставшее-
ся угощеніе раздаютъ прислугѣ гостей, а за не-
имѣніемъ ея — своей собственной. Часто гости,
руководствуясь этимъ обычаемъ, уносятъ остат-
ки пиршества съ собою, особенно болѣе дорогіе,
какъ напр. сахаръ.

Передъ каждою ѣдою сарты произносятъ
краткую молитву, берутся за бороду и затѣмъ
каждый отламываетъ себѣ кусочекъ хлѣба и по
окончаніи стола снова произносятъ молитву въ
нѣсколькихъ словахъ и дотрогиваются до бороды,
прикосновеніе къ которой вообще служить у
нихъ выраженіемъ почтенія, къ чему или къ
кому-нибудь. Такъ, на примѣръ, сарты берутся
за бороду при входѣ въ чужой домъ, при встрѣ-
чѣ съ знакомыми и особенно съ высшими долж-
ностными духовными лицами, или извѣстнѣйши-
ми дворянами; въ послѣднемъ случаѣ приклады-
ваетъ руку къ бородѣ только низшій передъ
высшимъ.

ИЗЪ ХОДЖЕНТА.

II.

Почти все сартскіе дворяне — «аксуяки» (бѣлой кости) — считаются потомками святыхъ, и потому пользуются весьма большимъ почетомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, даже и теперь, при жизни ихъ, считаются святыми, какъ, напримѣръ, святой Ишанъ-ханъ въ Ташкентѣ. Въ Ходжентѣ, городѣ преимущественно аристократическомъ, этихъ аксуяковъ великое множество; большинство же населенія торговаго Ташкента состоитъ изъ купцовъ и ремесленниковъ. Кромѣ внѣшняго почета, дворянскій классъ пользуется здѣсь огромными привилегіями, изъ которыхъ важнѣйшая, до введенія русскаго управленія, состояла въ освобожденіи дворянъ отъ всякихъ податей и налоговъ; но теперь они обязаны, наравнѣ съ прочими, платить все установленныя подати и земскія повинности, за исключеніемъ только немногихъ, избавленныхъ отъ всякихъ платежей по особому высочайшему повелѣнію.

Эти сословныя раздѣленія по классамъ и привилегіямъ, равно какъ и все законы и обычаи политической, общественной и домашней жизни сартовъ, все это вытекаетъ изъ одного общаго источника — Корана. Весь народный бытъ здѣсь находится подъ исключительнымъ господствомъ религіи, и восточный фанатизмъ процвѣтаетъ между сартами и до-сихъ-поръ еще во всей своей силѣ. Народъ остается еще подъ единственнымъ пока, но огромнымъ и въ высшей степени тормозящимъ всякое развитіе вліяніемъ духовныхъ лицъ, улемовъ и муфтій, исключительно посвященныхъ во всю глубину книжной премудрости корана и шаріата (шаріатъ — это собраніе узаконеній). Образованіе эти лица получаютъ въ высшихъ духовныхъ академіяхъ — *медрессе*, находящихся всегда при мечетяхъ. Курсъ ученія въ этихъ академіяхъ продолжается отъ семи до десяти лѣтъ и состоитъ почти исключительно въ изученіи духовныхъ книгъ, да, кромѣ того, ученые закаляются еще въ весьма частыхъ, продолжительныхъ и сухихъ схоластическихъ преніяхъ. Въ шаріатѣ сарты находятъ разрѣшеніе почти всехъ вопросовъ, касающихся ихъ гражданской жизни, такъ что эта книга составляетъ для нихъ чуть ли не единственный кодексъ граж-

данскихъ и уголовныхъ законовъ. Нечего и говорить, до какой степени деспотизмъ духовенства тяготѣетъ надъ всею домашнею жизнью сарта, и одно изъ вреднѣйшихъ его проявленій заключается, между прочимъ, въ недозволеніи держать въ домѣ покойниковъ и требованіи, чтобъ ихъ непременно хоронили въ самый день смерти. Отъ этого, и особенно при жалкомъ состояніи сартской медицины, бывають, говорятъ, случаи погребенія за-живо. Но другой важный актъ въ жизни — супружество, имѣетъ характеръ чисто гражданскаго договора.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ двухъ обрядахъ — погребеніи и бракѣ. Умершаго сарта одѣвають въ длинную бѣлую рубашку, завертываютъ, кромѣ того, еще въ простыню и выносятъ, безъ гроба, на кладбище, гдѣ покойника и зарываютъ въ землю, на глубину не болѣе 3—4 футовъ. Кладбища постоянно бывають въ чертѣ города и устраиваются обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ похоронены святыя. Могила такія же, какъ и у насъ, иногда тоже украшаются памятниками изъ обожженнаго кирпича (что составляетъ здѣсь рѣдкость), или просто изъ глины, въ видѣ четырехугольнаго камня или небольшого мавзолея, или иной какой-нибудь, весьма непричудливой—формы. Могила cadaго святаго непременно украшена мавзолеемъ, большаго или мѣньшаго размѣра, смотря по степени святости покойнаго. Надъ могилами наиболѣе чтимыхъ святыхъ такой мавзолей украшенъ еще куполомъ и своею величиной напоминаетъ большое зданіе. Сверхъ всѣхъ этихъ украшеній, на могилахъ святыхъ всегда лежитъ множество бараньихъ роговъ, означающихъ, что въ честь погребенныхъ здѣсь приносились бараньи жертвы, совершеніе которыхъ сопряжено здѣсь съ дѣломъ благотворительности, такъ какъ мясо принесенныхъ въ жертву барановъ обыкновенно раздается бѣднымъ.

Браки между сартами, какъ мы сказали уже, закрѣпляются гражданскимъ договоромъ у казія (судьи). Мужчины, если только они имѣють какое-нибудь состояніе, женятся рано: на 19-мъ или 20-мъ году, такъ что въ медресе часто бывають женатыя ученики. Женщины выходятъ замужъ еще раньше — на 14-мъ или 15-мъ году.

Кромѣ общепринятаго на Востокѣ внесенія женихомъ калыма (выкупа) за невѣсту, онъ даетъ еще, въ присутствіи казія, обязательство выдавать женѣ, въ случаѣ развода съ нею, определенное содержаніе, такъ-называемый «махеръ». Въ случаѣ женитьбы на вдовѣ, женихъ калыма уже не платитъ, и даетъ одно только обязательство относительно махера. Расходы бываютъ здѣсь весьма часто и не представляютъ никакихъ затрудненій. При слишкомъ ранней женитьбѣ, сартамъ скоро надоѣдаютъ ихъ жены и тогда они начинаютъ проводить время въ обществѣ *батчи* — мальчиковъ-плясуновъ. При такихъ условіяхъ, положеніе сартской женщины, конечно, незавидное: почти лишенная всякихъ личныхъ правъ, всегда удаляемая отъ мужскаго общества, чуждая всѣхъ общественныхъ интересовъ, она не допускается даже въ мечеть и, весьма рѣдко наслаждаясь супружествомъ и семейнымъ счастьемъ, невольно предается тайному разврату, а нерѣдко и явному, потому что, въ случаѣ развода съ мужемъ, ея средства къ существованію, не смотря на махеръ, весьма скудны и сомнительны.

Еще въ началѣ моего описанія я упомянулъ о лѣности сартовъ. Прибавлю къ этому, что лѣнь ихъ проявляется не только въ невозможнѣйшемъ ничего недѣланіи, но и во всей ихъ фигурѣ, во всѣхъ движеніяхъ. Самое пріятное и потому самое обыкновенное положеніе сарта (конечно, кромѣ тѣхъ, которыхъ голодъ гонитъ на какую-нибудь работу) — полулежачее, неподвижно-созерцательное; это вы видите не только въ домахъ, но и на улицѣ, на базарѣ, на каждомъ шагу; невольно приходятъ на память слова Лермонтова:

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня... и т. д.

Очень естественно, поэтому, что сарты терпѣть не могутъ ходить пѣшкомъ и всѣ, маломальски имѣющіе возможность, почти всегда ѣздятъ: мужчины верхомъ, а женщины, старики и дѣти — въ арбахъ, крайне неуклюжихъ экипажахъ, въ родѣ широкой телѣги на двухъ громадныхъ колесахъ, съ глубокимъ дномъ, большею частью открытыя и только немногія съ уродливымъ войлочнымъ кузовомъ. До какой сте-

пени не въ нравахъ сартовъ ходить пѣшкомъ, когда имѣешь средства ѣздить, я увидѣлъ на первыхъ же порахъ моего здѣсь пребыванія, — между прочимъ, и изъ случайной встрѣчи съ нѣсколькими туземными мальчиками. Какъ-то, воспользовавшись прекраснымъ вечеромъ, я отправился побродить за городъ, между окружающими Ходжентъ безчисленными и роскошнѣйшими садами. На дорогѣ, за городской чертой, меня догнала рѣзвая толпа мальчиковъ, и нѣсколько голосовъ разомъ привѣтствовали меня громкимъ восклицаніемъ: «аманъ тюря!» — здравствуй чиновникъ! (Здѣсь всѣ, не исключая и дѣтей, уже до такой степени привыкли къ русскимъ, что не только не избѣгаютъ насъ, но, напротивъ, очень охотно сами заговариваютъ съ нами, и всякаго, носящаго какую бы то ни было форму, или даже хоть одну шапку съ кокардой, называютъ чиновникомъ). Любопытствовавъ узнать, куда и откуда я иду, и узнавъ, что я просто хожу для собственнаго удовольствія, они спросили *тома-ша* ли (праздникъ ли) для меня, что я гуляю, такъ какъ день этотъ былъ не воскресенье (соотвѣтствующее ихъ пятницѣ). Получивъ отвѣтъ и на это, они обратились ко мнѣ съ новымъ вопросомъ: есть ли у меня лошадь, и когда я объяснилъ имъ, что у меня ихъ даже пара, мальчуганы не повѣрили мнѣ, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, невозможно, чтобы человѣкъ, имѣющій своихъ лошадей, сталъ ходить пѣшкомъ.

Понятно, что, при столь распространенной здѣсь ѣздѣ, разведеніе лошадей во всемъ Туркестанѣ составляетъ едва ли не главную отрасль промышленности. Каждый сартъ непременно имѣетъ, если не нѣсколько, то, по-крайней-мѣрѣ, одну лошадь, коль скоро онъ несовершенный *байгутъ* (нищій), или хоть ишака-осла, которые здѣсь очень сильны и выносливы: нерѣдко видишь на одномъ такомъ животномъ двухъ взрослыхъ мужчинъ, которыхъ оно везетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ прежнее время можно было имѣть въ этомъ краѣ славныхъ лошадей и весьма дешево; но со времени водворенія русскихъ, цѣны на лошадей, какъ и на все прочее, значительно возвысились, такъ что добраго и красиваго коня нельзя купить теперь дешевле 100 — 150 рублей. Только лошади самой простой *киргизской* породы, маленькія и неуклюжія,

но сильныя, продаются еще по весьма низкой цѣнѣ: отъ 20 до 30 рублей. За хорошими лошадьми у сартовъ бываетъ большой уходъ; они ихъ весьма заботливо холятъ и берегутъ. Такъ напр., для того, чтобъ шерсть ихъ была короткая и гладкая, ихъ держатъ постоянно, даже лѣтомъ, подъ толстыми попонами. Кормятъ здѣсь лошадей ячменемъ (овса въ краѣ нѣтъ вовсе) и дженужкою — высокою, сочною и очень питательною травой, въ родѣ нашего клевера, которую сѣютъ на поляхъ и жнутъ, въ течение лѣта, четыре раза. Большая часть туземцевъ — страстные наѣзники и спортсмены; по скачки свои устраиваютъ нѣсколько иначе, нежели у насъ: для того, чтобъ вся честь побѣды принадлежала коню, а не искусству наѣзника, они, обыкновенно, сажаютъ на своихъ лошадяхъ маленькихъ мальчиковъ отъ восьми до десяти лѣтъ, и пускаютъ ихъ по прямому направленію отъ одного города, или кишлака (деревни) до другаго, на разстояніи 20 — 25-ти верстъ; первый, прибывшій къ мѣсту, признается побѣдителемъ.

Кромѣ этого, любимѣйшаго сартами, увеселенія, существуютъ у нихъ разныя общественныя забавы и развлеченія, между которыми питье и ѣда, пляска батчи (мальчиковъ) съ грубою и крайне-непріятною музыкой, и представленія акробатовъ — суть самыя обыкновенныя. До всѣхъ этихъ удовольствій туземцы большіе охотники и съ наслажденіемъ предаются имъ, особенно въ большіе народные праздники. Впрочемъ, пляски батчи въ публичныхъ мѣстахъ въ послѣднее время запрещены русскимъ правительствомъ, какъ безнравственныя и часто влекущія за собою разныя скандальныя исторіи. Главнѣйшихъ народныхъ праздниковъ бываетъ два въ году: *ураза-байрамъ*, въ декабрѣ или январѣ, и *курбанъ-байрамъ*, въ мартѣ или апрѣлѣ, — по времени, какъ вы видите, совершенно сходныя съ нашими святками и праздникомъ Пасхи; наступленіе ихъ зависитъ отъ новолунія и потому они мѣняются. Какъ ураза-байрамъ, такъ и курбанъ-байрамъ, собственно говоря, не праздники, а мусульманскіе посты, продолжающіеся по 30 дней, въ теченіе которыхъ сарты, по обще-мусульманскому обычаю, ѣдятъ съ наступленіемъ почи; празднество же и народныя увеселенія наступаютъ съ окончаніемъ этихъ постовъ. Всѣ

праздничные дни, главнымъ образомъ, характеризуются истребленіемъ чая въ громадномъ количествѣ, и всеобщимъ пьянствомъ и обжорствомъ. Состоятъ они въ томъ, что народъ, помолившись въ главной городской мечети, собирается нѣсколько дней сряду, съ ранняго утра, до 4—5 часовъ пополудни, на какой-нибудь большой площади, покрытой множествомъ палатокъ, въ которыхъ продается чай и всевозможныя національныя яства. Здѣсь же, между прочимъ, продаются и крашенныя яйца, и дѣти, ни мало не стѣсняясь, тутъ же катаютъ ихъ, какъ у насъ на Свѣтой недѣлѣ. Ломанья и кривлянья национальныхъ акробатовъ играютъ въ народныхъ развлеченіяхъ весьма значительную роль.

При переѣздѣ моемъ изъ Ташкента въ Ходжентъ, мнѣ случилось видѣть въ одномъ большомъ селеніи (кишлакѣ) весьма искуснаго гаэра, выдѣлывавшаго на трапеціи, прикрѣпленной къ двумъ шестамъ, на высотѣ около 10 сажень, точно такія же штуки, какія обыкновенно показываются и европейскими акробатами. Каждый разъ, передъ новымъ акробатическимъ кунштюкомъ, играла раздирающая уши музыка, составленная изъ бубенчиковъ и барабановъ; затѣмъ акробатъ сверху объявлялъ публикѣ, въ чемъ именно будетъ состоять этотъ новый кунштюкъ, произносилъ молитву о томъ, чтобъ не случилось съ нимъ несчастія, и весь народъ, набожно взявшись за бороду, повторялъ эту краткую молитву. По окончаніи cadaго фокуса, артистъ первый хлопалъ въ ладоши, и за нимъ уже зрители выражали свое удовольствіе болѣе или менѣе громкими рукоплесканіями. Въ концѣ концовъ, со всей публики собирали деньги, такъ какъ представленіе происходило на большой открытой площади и ни какой предварительной платы за входъ не взималось. Кругомъ столбовъ стояло множество народа въ разнообразныхъ положеніяхъ: кто просто стоя, кто сидя на землѣ, большинство же на лошадяхъ.

Смотря на безпечную жизнь сартовъ, среди роскошной природы и благодатнаго климата, здѣсь видишь почти первобытнаго человѣка: такъ здѣсь все просто, безхитростно, близко къ природѣ (я не говорю объ ихъ отношеніяхъ къ намъ — въ этомъ сжаты весьма и весьма не безхит-

ростны). Но эта всеобщая тишина и благодать, похожая на истому или, скорѣе, на сладкую дремоту, возмущается, и довольно часто, страшнымъ явленіемъ... Я говорю о землетрясеніяхъ, бывающихъ время отъ времени въ Туркестанской области, особенно въ Ташкентѣ и около него. Во время моего пребыванія здѣсь (менѣе года) было уже два землетрясенія: первое — какъ разъ въ Новый Годъ, въ 12½ часовъ ночи, а другое — въ началѣ марта, тоже около полуночи. Последнее было особенно сильно и разрушившимися отъ него домами было задавлено отъ 30 до 40 человѣкъ. Впрочемъ, какъ ни страшно это бѣдствіе, оно чуть ли не единственное, которое по временамъ губить здѣсь родъ человѣческій, да и то въ весьма ограниченномъ размѣрѣ: болѣзней сарты почти не знаютъ; о существованіи какихъ-либо эпидемій я пока еще и не слышалъ; лихорадки бываютъ рѣдко. Только, должно быть отъ чрезмѣрной сухости воздуха, туземцы подвержены излишней сухости кожи, и потому часто страдаютъ накожными болѣзнями. Въ особенности между ними развита, такъ-называемая, болѣзнь — родъ лишаевъ, показывающихся преимущественно у дѣтей, вся голова которыхъ бываетъ покрыта такими лишаями, появляющимися, кромѣ того, и на другихъ частяхъ тѣла. Эта болѣзнь очень упорна, трудно вылечивается и обыкновенно оставляетъ послѣ себя слѣды въ красныхъ пятнахъ. Замѣчательно, что и русскіе, долго живущіе здѣсь, подвергаются этой болѣзни. Въ Бухарѣ, а какъ нѣкоторые говорятъ, и въ одной изъ нашихъ здѣшнихъ провинцій — въ Джюзакѣ, существуетъ еще одна, страшно-мучительная болѣзнь, такъ-называемая, ришта. Это червь, при нестерпимыхъ страданіяхъ, причиняемыхъ больному, выходящій изъ разныхъ частей тѣла. Сначала появляется красное пятно, потомъ дѣлается опухоль и, наконецъ, сквозь небольшой, лопающійся нарывъ, показывается и самый червь, при невыносимыхъ мученіяхъ. Лучшимъ средствомъ считается не трогать въ это время червя и предоставить ему самому свободно выходить до конца, (что, говорятъ, продолжается нѣсколько недѣль), потому что при вытаскиваніи онъ легко можетъ порваться и въ такомъ случаѣ съ больнымъ дѣлается сильное воспаленіе, на тѣлѣ образуется новая рана, оставшаяся часть червя выходитъ уже въ

другомъ мѣстѣ, и отъ слишкомъ продолжительныхъ и сильныхъ страданій человѣкъ оправляется отъ болѣзни не ранѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Иногда, впрочемъ, если больной не въ состояніи терпѣливо выжидать естественнаго выхода червя, послѣдняго вытаскиваютъ, какъ можно осторожнѣе и медленнѣе (въ теченіе нѣсколькихъ дней), навертывая его на палочку. Истинныя причины происхожденія этой страшной болѣзни до-сихъ-поръ достовѣрно еще неизвѣстны; говорятъ, что она развивается вслѣдствіе какого-то особеннаго свойства воды, но это ничѣмъ еще не доказано.

Кромѣ сартовской болѣзни и ршнты, происходящихъ уже не отъ воли и вины человѣка, сарты еще изнуряютъ себя и сами куреніемъ опиума, вслѣдствіе котораго ихъ постигаетъ преждевременная старость, одряхленіе и даже умственное притупленіе. Впрочемъ, этому разрушающему здоровью удовольствію здѣсь предаются, кажется, не многіе, и во всякомъ случаѣ, гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ востока; но зато во всей Туркестанской области странно распространено куреніе трубокъ и кальяна и, въ особенности, жеваніе нюхательнаго табаку, который, впрочемъ, они не жуютъ, въ буквальномъ смыслѣ, а просто кладутъ табачный порошокъ въ ротъ и держатъ его тамъ очень по долгу, испытывая какое-то непостижимое, истинно-варварское наслажденіе. Куреніе хотя прямо и не запрещается кораномъ, но въ немъ говорится, что мусульманинъ, курящій на землѣ, лишается въ будущей жизни заступничества и помощи Магомета, въ томъ случаѣ, когда таковыя ему понадобятся. Какъ видно, поклонники пророка мало заботятся о снисканіи себѣ протекціи на томъ свѣтѣ.

Взаключеніе скажу нѣсколько словъ о встрѣчающейся здѣсь совершенно особой и весьма типичной группѣ людей, о такъ-называемыхъ *дузанахъ*. Дуванъ — это нѣчто среднее между нашимъ юродивымъ и восточнымъ дервишемъ; повидимому, онъ нищій, покрытъ лахмотьями, не носитъ чалмы, а вмѣсто нея — особой формы, пеструю, остроконечную шапку; съ утра до вечера бѣгаетъ по улицамъ и въ особенности по базарамъ, съ большимъ мѣшкомъ въ рукахъ, въ который сваливаетъ всѣ получаемыя отъ щедрыхъ мусульманъ подачи (милостыня, какъ из-

вѣстно, составляетъ, по корану, одну изъ главнѣйшихъ обязанностей каждаго правовѣрнаго), и съ плачевнымъ, весьма непріятнымъ, напѣвомъ выпрашиваетъ подаяніе, иногда въ одиночку, а иногда и въ большой компаніи товарищей. Но, возвратившись домой, такой дуванъ, какъ мыъ рассказывали, сбрасываетъ съ себя нищенскіе лохмотья, надѣваетъ отличные халаты, ѣстъ прекрасный, жирный пилавъ съ бараниной, однимъ словомъ пользуется всѣми благами и удовольствіями зажиточнаго человѣка. Замѣчательно, что эти зловредные тунеядцы и паразиты, составляютъ еще какъ бы привилегированный классъ, въ который постороннихъ не принимаютъ; права ихъ переходятъ по наслѣдству изъ рода въ родъ; они владѣютъ домами и садами, имѣютъ по нѣскольку женъ и, по большей части, вступаютъ въ бракъ съ дочерьми дувановъ же.